

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Выступление на обсуждении книги "Серп и рубль" в фонде Карнеги
29 февраля 2000 г.

1. Сильное или слабое государство?
2. Государство и общество: историческая эволюция
3. Две государственные идеологии
4. Государство и экономика
5. Центр и регионы
6. Государство и ~~частная жизнь~~ *права человека.*

1. Сильное или слабое государство?

Широко распространенное клише: сейчас в России государство очень слабо, а Россия нуждается в сильном государстве.

Мне кажется, что с этим трудно согласиться - по крайней мере, с первой частью этого утверждения. Но само несогласие можно сформулировать двумя способами - разными, хотя, может быть, не противоречащими друг другу.

Первый способ: сильное государство в России буквально подмяло под себя слабое общество и делает с ним, что хочет.

Второй способ: в России все еще сильное авторитарное государство старого типа ведет борьбу с набирающими силу институтами современного либерального государства и в этой, идущей с переменным успехом, но, в конечном счете, безнадежной борьбе оно действительно слабеет.

Понятия силы и слабости относительны. Слабо по сравнению с чем?

Возможны разные толкования, например:

- Слабо по сравнению с тем, каким оно было в прошлом. Но когда в прошлом оно было сильным и в чем была эта сила? Я пытался показать в книге, что Россия - ни в советское, ни в досоветское время не обладала ни большим богатством, ни особой экономической или даже военной мощью, и сейчас в этом смысле ничего не изменилось к худшему. Нас по-прежнему боятся как обладателей самоубийственного для земной цивилизации оружия, но 20 или 30 лет назад было то же самое. Если это - мера силы, то она сохранилась. (В частности, возражение против использования победы во Второй мировой войне как доказательства силы).

- Слабо по сравнению с другими государствами. В каком-то смысле это тот же самый вопрос. Мы как не могли противостоять НАТО, так и не можем. ВВП, возможности госбюджета или средняя продолжительность жизни как были ниже, чем в западных странах, так и остались.

- Слабо по сравнению с собственным обществом. А вот здесь вопрос. Какое западное государство может так влиять на социальный климат в стране, на движение экономических или информационных потоков, как наше? Какое государство может заставить людей работать,

не платя им зарплату, оставить стариков практически без пенсий? Перераспределить свою огромную собственность по разумению нескольких чиновников, практически келейно? И все это - не вызвав серьезного протеста. Таким практически неограниченным возможностям могут только завидовать и на Капитолийском холме, и на Елисейских полях, и где угодно.

Так что в этом смысле мой первый диагноз: государство подмяло под себя общество и делает с ним, что хочет, - кажется абсолютно верным. Общество же, казалось бы, не просто смиряется со своей слабостью, но ищет еще большего усиления государства, все чаще склоняясь к жажде "сильной руки", возврата к средневековому государственному патернализму и пр.

И все же, мне кажется, неудовлетворенность нынешним состоянием государства российского, связанные с этим общественные настроения отражают - пусть и в извращенном виде - истинную картину кризиса самого института государства в России, по крайней мере, такого, каким он у нас издавна сложился. Только этот кризис - не феномен последнего десятилетия, а нечто гораздо более долговременное, порожденное той самой модернизацией, которой и посвящена моя книга.

2. Государство и общество

Каково вообще соотношение государства и общества?

Более или менее ясно, что государство - это общественный институт, которому общество делегирует определенные права и полномочия в своих собственных интересах. Но эти интересы, а значит и состав и объем делегируемых полномочий меняются со временем вместе с обществом, соответственно меняется место и роль государства.

Меня интересуют перемены, происходившие с российским обществом на протяжении последних 100-150 лет, и я думаю, что понимание этих перемен должно подсказать, что же должно было измениться в роли, месте и устройстве российского государства.

В книге - в первых строках Введения - модернизация определена как превращение общества "из традиционного, аграрного, сельского, патриархального, *холистского* в современное, индустриальное или "постиндустриальное", городское, демократическое, *индивидуалистское*" (с. 6). Впоследствии этот курсив расшифровывается указанием на смену глубинного принципа устройства социального мира, переход от принципа "человек для..." к принципу "...для человека". Это относится и к отношению человека и государства.

Настаивая на том, что объективный смысл модернизации именно в этом, я, по возможности, избегаю оценочных суждений. Второй принцип мне ближе, потому что я - человек двадцатого века, а не, скажем, восемнадцатого, но я не утверждаю, что этот принцип - лучше, а тот - хуже. Все хорошо на своем месте. Но я убежден, что развитие российского общества создало место для второго принципа, а первый - устарел.

В чем причина подобной перемены? Развитие России на протяжении последних полутора столетий означало стремительное усложнение жизнедеятельности общества, ее огромную внутреннюю дифференциацию. А такая дифференциация всегда имеет своим следствием рост сил самоорганизации на всем пространстве социального поля.

Все институты допромышленных обществ, включая и государство, приспособлены к относительно слабо дифференцированным социальным организмам и потому служат своеобразным внешним каркасом, защищающим жизнь этих социальных моллюсков от опасных внешних воздействий. Однако он не только защищает, но и сковывает.

Смысл же модернизации заключается в выработке внутреннего каркаса, который делает внешний каркас во многих отношениях ненужным.

"Если бы черепаха могла думать, то она безусловно пришла бы к выводу, что человек - существо, намного более беспомощное, чем она, ибо ему не на что опереть свое тело: у него нет внешнего каркаса. Идея позвоночника, служащего *внутренней*

опорой, пожалуй, показалась бы ей странной, и она ни за что не отказалась бы от своего стеснительного, но надежного панциря в обмен на большую свободу жизнедеятельности позвоночных. Примерно такого рода рассуждения лежат в основе неприятия либерализма и массовым, и элитарным сознанием во всех странах ускоренного перехода от простого сельского к более сложному городскому обществу". (с. 198)

"Неподвижное разнообразие одноразовой случайности уступало место подвижному разнообразию постоянного выбора. Мир не просто усложнился, он пришел в непрерывное движение. Изображение из мозаики - сложная вещь, но сравните его с непрерывно меняющейся мозаикой огней ночного города, и вы поймете, как велика разница в сложности статичной и динамичной картин". (с. 23)

"Нецентралистское общество, которое строится "снизу", от основания к вершине" (с. 198)

Все институты социального контроля, к числу которых, в первую очередь, относится государство, изначально приспособлены к роли сковывающего внешнего панциря. Это - развитая система запретов и санкций, которые становятся и неэффективными, и ненужными, когда развивается сложная система внутренних побудительных мотивов социального действия.

Но это не значит, что государство, как и другие институты социального контроля, теперь вообще не нужны. Просто они должны стать другими, намного более сложными и гибкими, основанными на использовании современных механизмов социального взаимодействия, например, рыночно-денежных. Таких привычек у нашего государства пока нет.

3. Две государственные идеологии

Таким образом, история сталкивает два очень разных, если не противоположных принципа организации социальной жизни вообще и государства, в частности. Как всегда, это порождает конфликт сторонников старого и нового принципов, особенно острый в ситуации догоняющего развития, когда новый принцип не вызывает медленно внутри общества, а заимствуется извне.

Тоталитарные идеологии и тоталитарная практика - прямое следствие этого конфликта. Тоталитаризм возникает тогда, когда внешний панцирь государства начинает трескаться под напором новых сил и пытается противостоять этому напору репрессивными методами. Вначале соотношение сил обычно складывается в пользу "государственников" (на самом деле, сторонников государства старого типа), и им удается добиться временного реванша.

Одна из форм такого реванша - фашизм.

Муссолини: "Если либерализм означает индивида, фашизм означает государство". "Для фашиста, - все в государстве, и ничто ни человеческое, ни духовное не существует и a fortiori не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен, а фашистское государство, соединение и средоточие всех ценностей, истолковывает, развивает и предопределяет всю жизнь народа". (с. 210).

Так же рассуждали и немецкие интеллектуалы веймарской поры, подготовившие общественный климат для прихода нацизма. При этом они говорили о социализме.

Гebbельс: "Мы смотрим на Россию потому, что эта страна, наиболее вероятно, вместе с нами встанет на путь, ведущий к социализму".

Зомбарт: "Понятия государства и социализма, надо помнить об этом, едины". "Немецкий социализм... это - *народный* социализм... Он охватывает весь народ, все стороны его жизни"

Шпенглер: "Глубокое значение может иметь в Германии только социализм". "В Германии есть ненавистные и обесславленные принципы, но презрение в Германии вызывает только либерализм". Образец государства - Пруссия, ибо она "была настоящим государством в самом глубоком смысле этого слова. Тут, строго говоря, вообще не существовало частных лиц. Каждый, живший в этом организме, функционировавшем с точностью хорошей машины, принадлежал к нему как его член". (с. 206, 211).

О всеобъемлющей роли (или претензиях на такую роль) государства в СССР все знают, об этом можно не распространяться.

Для нас важно то, что во всех фашистских, социалистических и прочих подобных государственных восторгах речь идет не о государстве вообще, а о государстве с очень широкими полномочиями и очень высокой концентрации власти в центре. Только такое государство и считается сильным.

Шпенглер: "Каждый за себя - это по-английски; все за всех - это по-пруски. Либерализм же означает: государство само по себе и каждый сам по себе. Это формула, по которой жить невозможно"

Все тоталитарные идеологии черпают свою силу в "народных" представлениях и ценностях ушедших эпох, крестьянских обществ и пр., когда эти представления и ценности действительно соответствовали требованиям времени и размахивают своей антибуржуазностью.

Между тем, сами перемены в обществе, его превращение из вертикального в горизонтальное, из одноцентрового в многоцентровое, из строящегося сверху в строящееся снизу, требует отзыва многих (но не всех!) прежних делегированных центру полномочий, ограничения его вмешательства во всех тех случаях, когда можно обойтись без него.

отказа от централистской модели государственной власти и замены ее полицентрической системой управления, более соответствующей уровню сложности, разнообразия промышленно-городских обществ. Это предполагает

"На смену относительно немногочисленной и строго иерархизированной партийно-советской аристократии приходит новая "буржуазная" элита, более многочисленная, независимая и открытая. В этом, собственно, и заключается смысл демократизации. Романтизация демократии в период борьбы за ее утверждение приписывает ей несуществующие добродетели, внутреннюю связь с нравственными ценностями, способность дать ответы на "вечные вопросы" и т. д. Это порождает в обществе несбыточные надежды, а в конечном счете, разочарование сторонников и злорадство противников демократии. Однако, если сравнивать результаты экономической и политической демократизации в указанном выше смысле перехода от одноцентрового к многоцентровому социальному миру не с воображаемым будущим, а с реальным прошлым, то общество оказывается в несомненном выигрыше". (с. 221).

"Вишневский демократию не особенно жалует. Для него она "борьба всех против всех" (с. 222) и весь смысл ее в приходе буржуазных элит (с. 221)... Мне как-то неудобно объяснять уважаемому мною автору, что далеко не одни только буржуазные элиты, но и общество в целом выигрывает от демократического строя" (А. Хазанов, с. 226).

4. Государство и экономика

Витте очень хорошо понимал, что протекционизм - необходимая, но временная мера. Ссылаясь на Петра I, сторонника сильной государственной опеки промышленности, "понеже всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут", и видя смысл такой опеки в обеспечении экономической самостоятельности России, чтобы "ее товарообмен с другими странами не находился... в зависимости от чисто случайного обстоятельства, что она вступила на путь экономического развития по времени позже своих соседей", он постоянно подчеркивал, что с достижением этой цели "должен наступить конец самому протекционизму. Прямая логика его и заключается в самоупразднении"

Какие-то регулятивные функции в экономике государство выполняет всегда. Но нас интересует не многовековой опыт аграрных обществ, а смысл и возможности вмешательства государства в сложную промышленную экономику современного типа, особенно в ситуации догоняющего развития.

Такой опыт дала Германия Бисмарка, ее примеру следовал и Витте.

Витте: "Говорят, что для развития промышленности я принимал искусственные меры. Что значит эта глупая фраза? Какими же мерами, кроме искусственных, можно развить промышленность?" Но Витте очень хорошо понимал, что протекционизм - необходимая, но временная мера. Видя его смысл в обеспечении экономической самостоятельности России, он постоянно подчеркивал, что с достижением этой цели "должен наступить конец самому протекционизму. Прямая логика его и заключается в самоупразднении". (с. 46).

Но особенно активно немецкий опыт, особенно опыт военного времени, использовался после революции.

"С самых первых шагов Советской власти она стала на путь прямых заимствований немецкого опыта" (с. 45). Ю. Ларин: этот опыт "послужил прообразом той практики принудительного коллективного доставления "излишков" по разверстке, какую затем мы осуществили в СССР в 1918/19 г. в интересах спасения пролетарского государства". "Когда... Владимир Ильич обдумывал вопрос о введении рабочей повинности, он... затребовал у меня некоторые печатаемые в этом сборнике статьи... Вообще предварительный учет немецкого опыта... имел место не раз".

"Случайно ли Вишневецкий совершенно забыл о "военном коммунизме"?... Безобидно ли это? Ведь "военный коммунизм" ... явился продолжением европейской военной экономики периода Первой мировой войны, ведь именно "военный коммунизм" - не только реальный предшественник советской "модернизации", но и родственник нацистской экономики... Вот только горько видеть это Вишневецкому в его поисках "правильной" модернизации и в его осуждении "неправильной" советской индустриализации". (М. Колеров. О необратимости настоящего. "Неприкосновенный запас. 1999, 3(5), с. 42).

"Сейчас трудно оспорить крах полностью огосударственной экономики советского типа. На буквальном возвращении к ней едва ли способно настаивать разумное существо. Но ведь возможно возвращение частичное, возвращение наполовину или на четверть. ["... Иначе он не призывает бы к возвращению к государственной собственности "на половину или на четверть"... " (А. Хазанов. *Pro et Contra*, 1999, 3, с. 229).] Идеи государственного вмешательства в экономику в России не могут умереть, у них здесь глубокие основания - и субъективные, и объективные. Тем не менее в нынешних условиях любая сколько-нибудь разумная

позиция сторонников этих идей, выступающих под лозунгами социализма, вынуждена учитывать новые экономические реальности, масштабы и сложность народного хозяйства, опыт прошлых неудач. Она просто не может не стать более умеренной, гибкой, не может не сблизиться на многих направлениях с позицией либералов, не вступить в конструктивный диалог с ними. В конечном счете, "социалистическое" противостояние крайностям экономического либерализма, принося переменный успех обеим сторонам, может обеспечить реальные (а не только идейные, "научные") поиски наилучшего сочетания рыночной свободы и государственного вмешательства на каждом новом витке развития страны и ее экономики". (с. 76)

"Удачным оказался опыт "вмешательства государства в экономику" в химической отрасли... По инициативе областной администрации была принята региональная программа развития химической и пищевой промышленности... Было создано открытое акционерное общество "Сибирская химическая компания", учредителями которого стали администрация отрасли (?) и дочернее предприятие "Газпрома" - "Газсибконтракт". Компания вместе с администрацией области отслеживает ценовую политику, реализует неликвидный товар, скопившийся на складах... Администрация инвестировала в предприятие 100 миллион рублей..." (Кузбасс выходит в лидеры. "Известия", 25 февраля 2000 г.)

Возможна другая линия рассуждения и сравнения - не в терминах силы и слабости, терминах, так сказать, количественных, а в качественных: меняется сама роль государства, перераспределяются роли и функции государства и общества.

5. Центр и регионы

Усложнение экономической и социальной жизни в регионах и появление новых региональных элит.

Развитие сил самоорганизации и усиление горизонтальных связей. Появление множества центров принятия решений.

Частичное обесценение вертикальных связей.

Необходимость перераспределения полномочий между центром и регионами и сопротивление центра.

Наращение центробежных сил и неадекватный ответ "панцирного" государства. Неспособность развить естественные центростремительные силы, в частности, силы рынка. Поэтому и слабых центробежных сил оказалось достаточно, чтобы разрушить СССР. Никакие ракеты, никакие ядерные боеголовки не смогли его защитить, о них никто даже и не вспомнил. Государство оказалось полным импотентом.

СССР "выглядел необыкновенно прочным. Но это была прочность деревянной бочки, скрепленной снаружи железными обручами, а не прочность атома, целостность которого обеспечивается его внутренними силами. Огромные усилия и ресурсы были направлены на то, чтобы не заржавели и не ослабли внешние железные обручи... Но все оказалось тщетным... [из-за] недоразвитости куда более важных внутренних сил сцепления. В конце концов обручи слетели, бочка рассыпалась. И дело совсем не в том, что в Советском Союзе были плохие бондари. Просто ремесло бондаря и атомная физика - это не совсем одно и то же". (с. 354).

6. Государство и права человека

Непризнание права человека на индивидуальный выбор в семейной жизни, в области религии или морали, в политических пристрастиях, вообще в построении собственной судьбы - характерная черта всех допромышленных обществ с их принципом "человек для"..., и государство лишь венчало пирамиду социальных институтов, которые надзирали за тем, чтобы в здоровые холистские организмы не проник яд индивидуального выбора.

До поры до времени это устраивало и общество с традиционной "пешкообразной" социальной пирамидой: очень узкая вершина и очень широкое основание, где находилось подавляющее большинство населения. Наверху существовала масса поблажек - нередко до полной вседозволенности Синеи Бороды или Ричарда III, внизу просто не было выбора, который требовал бы соответствующей свободы.

С началом промышленно-городской эпохи социальная пирамида стала перестраиваться, и начался переток из нижней в среднюю ее часть, возникли "средние слои". Жизнь усложнилась, дифференцировалась, возникло потенциальное разнообразие жизненных путей, которое не могло реализоваться без свободы индивидуального выбора. Развитие этой коллизии не могло не привести к столкновению человека и государства-панциря.

В России, если не ошибаюсь, с легкой руки авторов "Вех", утвердилось мнение, что русская интеллигенция была антигосударственной. Если это и верно, то, в основном, думаю, ее антигосударственность была направлена именно против такого государства. Будучи прообразом российского среднего класса, она не могла не ощущать несоответствия между естественной для этого социального слоя потребностью в вертикальной мобильности и блокирующей позицией старой государственной системы.

Формы протеста могли быть разными - от политических заговоров до "Пощечины общественному вкусу", но, в конечном счете, они вынуждают государство-панцирь занять круговую оборону.

Карл Шмит (1932): Тотальное государство - это прежде всего сильное государство, подобно "фашистскому государству... ни в коем случае не допускает развития внутри себя враждебных или препятствующих ему сил или сил, несущих распад государственности. Оно не помышляет ни о том, чтобы уступить своим врагам и разрушителям новые инструменты власти, ни о том, чтобы дать похоронить свою собственную власть под дежурными словами вроде либерализма, правового государства или какими угодно другими". (с. 211)

Именно так вело себя или хотело себя вести долгое время советское государство, объявляя незаконными все, кроме одной, политические партии, борясь с церковью, преследуя все формы инакомыслия, несанкционированные художественные течения и даже целые научные направления, запрещая разводы или аборты, вообще все проявления какой бы то ни было социально значимой индивидуальной инициативы в хозяйственной, культурной, идеологической или любой другой сфере деятельности, даже в личной жизни.

Но противоречия этих притязаний якобы сильного государства и реальных потребностей общества были столь велики, последствия столь разрушительны, что постепенно оно стало ослаблять свою хватку, давать все большие и большие послабления, не отказываясь, однако, от общего принципа внешнего контроля.

Казалось бы, в 90-е годы все изменилось, и большинство догм государства-панциря рухнули почти сами собой, а это открыло путь к превращению его в сильное государство либерального типа. Такое государство создает и надежно защищает законодательные предпосылки и другие рамочные условия для развития сил самоорганизации общества, но и доверяет этим силам, исходя из того, что наличие множества центров принятия решения хотя и не исключает ошибок, делает последствия таких ошибок менее опасными, чем ошибки единственного монополиста-государства. Поэтому оно не выступает в качестве главного собственника, минимизирует свое вмешательство в экономическую жизнь, не командует средствами массовой информации, признает верховенство закона и т.д. Такие государства тоже имеют свои изъяны, но их преимущества неоднократно доказаны историческим опытом XX века, тогда как все тоталитарные государства в этом веке, стльные на словах, на деле оказались слабыми и потерпели крах.

Однако в России все еще живо отождествление сильного государства с полицейским государством-диктатором. Нередко звучат ностальгические нотки по поводу утраченной государственной мощи. Многие пишущие представители интеллигенции чуть не буквально повторяют антизападные и антилиберальные заклинания немецких интеллектуалов Веймарской поры, подготовивших климат для прихода нацистов, - в частности, тезис об особом месте России в истории (у немцев, конечно, речь шла об особом месте Германии). Из всего многообразного интеллектуального наследия русской эмиграции особо почитается наследие полубольшевиков-полуфашистов евразийцев. Слова "демократия", "права человека" частенько используются как нечто вроде ругательства. То есть какая-то часть общества снова хочет лечь под государство-панцирь. Если они добьются своего, это будет свидетельствовать не о силе государства, а о слабости общества.

7. Заключение

Государство - внешний панцирь социальной жизни имеет большие исторические заслуги, но оно было хорошо в свое время и на своем месте. Под защитой панциря выросло новое общество, и панцирь стал ему тесен. Пришло время другого типа государства, которое представляет собой **внутреннюю** опору социального тела. Имея такую опору, общество намного более свободно в своих действиях, и потому оно просто не нуждается во множестве ограничений, которые навязывает существование внешнего панциря. Хотя, конечно, и эта свобода не безгранична. Расширившаяся свобода несет с собой и гораздо более высокую эффективность, а значит и новую силу. В XXI веке государство-панцирь не может быть сильным, потому что оно душит силы собственного общества. Сильным может быть только либеральное государство, открывающее простор силам общественного саморазвития.

Это утверждение вовсе не равнозначно признанию беспрепятственности современных либеральных государств. Проблем у них более, чем достаточно, но жизни без проблем не бывает. Они хорошо не в абсолютном смысле, а только в сравнении с государством-панцирем.